

Учебники истории, сталинский и постсоветский «руссцентризм» и задачи нациестроительства

ГЕОРГИЙ
МАМВРИЙСКИЙ

Нация вряд ли может сформироваться при отсутствии коллективной памяти, слагающейся из исторических мифов. В свою очередь процесс нациестроительства не обходится без активного вмешательства государства, целью которого, как пишет Георгий Касьянов¹, становится обеспечение лояльности населения путем *«достижения некоего уровня культурной гомогенности»*. Поэтому историческая политика² государства может объяснить многие особенности, возникшие в период нациестроительства.

В России говорящей чертой исторической политики стало положение термина «россиянин», который должен обозначать всех граждан страны. Однако употребление этого слова на данный момент достаточно ограничено и редко выходит за пределы официальных заявлений или выступлений, таких как

- 1 Касьянов Г. *Украина и соседи: историческая политика 1980–2000-х*. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 32.
- 2 Под исторической политикой в статье понимается «разновидность политики, целью... которой является целенаправленное конструирование и утилитарное использование в политических целях “исторической памяти” и других форм коллективных представлений о прошлом и его репрезентаций» (Там же. С. 35).

КУЛЬТУРА
ПОЛИТИКИ

Георгий Сергеевич
Мамврийский (р. 2003) –
студент совместной
программы «Мировая
политика» Московской
высшей школы социаль-
ных и экономических
наук и Института
общественных наук
РАНХиГС.

послание президента к Федеральному собранию и его обращение к нации³; по сути, термин «русский» вытеснил «россиянина», обретя более широкое значение: помимо этнической принадлежности, он стал включать в себя и национальную, что признается на официальном уровне⁴. Таким образом, мы видим превалирование именно руссоцентричных нарративов даже в выборе слов, используемых гражданами России для идентификации самих себя как членов единой нации.

Отсюда возникает два ключевых вопроса. Во-первых, как в России сформировалась нация, базирующаяся на русской культуре как культуре наиболее многочисленного народа (по последней переписи населения русскими себя считают 71,73%⁵)? Во-вторых, как такой выбор стратегии нациестроительства отразился на исторической политике в России, в частности, в учебных курсах по истории и – особенно – в учебниках, которые представляют фундамент исторического образования?

Я использую концепцию Дэвида Бранденбергера, известную как «сталинский руссоцентризм»⁶, суть которого заключается в доминировании русских национальных нарративов в идеологии, пропаганде и истории – в сочетании с нарративом о «дружбе народов». По сути, это означает построение новой нации, в данном случае сталинского проекта советской нации, на основе официально трактуемой русской национальной культуры. Проводя некоторые параллели со стратегией Сталина, я именую современную стратегию нациестроительства «российский руссоцентризм». Она также, по аналогии с политикой, описанной Бранденбергером, основывается на доминировании русских национальных нарративов и русской культуры, имея в то же время некоторые отличия. Подобный выбор был обусловлен схожим контекстом идеологического перехода, описанного Владимиром Паперным в терминах «культуры 1» и «культуры 2». Более того, возвращение к руссоцентристскому курсу в исторической политике позволило нынешнему режиму инкорпорировать советское прошлое в новый исторический нарратив, снабдив его положительной оценкой и, соответственно, интегрировав в новую нацию граждан, ностальгирующих по советской империи.

Ниже я попытаюсь проанализировать исторические нарративы постъельцинской эпохи в современных учебниках исто-

3 В обоих случаях с 1991 года президент, обращаясь к согражданам, говорит именно «уважаемые россияне».

4 Ольховская А. «Русский и/ли российский?» // Год литературы. 2022 (<https://godliteratury.ru/articles/2022/06/12/russkij-ili-rossijskij>).

5 Анализ информации об итогах Всероссийской переписи населения 2020 года в отношении национального состава и владения языком (<https://fadm.gov.ru/otkrito-agenstvo/vserossijskaya-perepis-naseleniya-2020/file-download/lrcy1jminoxnrry855stdmef-kzhnfv7>).

6 БРАНДЕНБЕРГЕР Д.Л. *Сталинский руссоцентризм: советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.)*. М.: Политическая энциклопедия. 2017.

рии, выпущенных в 2021–2023 годах, которые получили свое финальное воплощение в едином учебнике истории для 10–11 классов под редакцией Владимира Мединского. Для обоснования уместности употребления термина «руссцентризм» в контексте современного нацистроительства я также коснусь содержания сталинских учебников истории.

ГЕОРГИЙ МАМВРИЙСКИЙ
УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ,
СТАЛИНСКИЙ И ПОСОВЕТ-
СКИЙ «РУССОЦЕНТРИЗМ»...

Возвращение к руссоцентристскому курсу в исторической политике позволило инкорпорировать советское прошлое в новый исторический нарратив, снабдив его положительной оценкой и интегрировав в новую нацию граждан, ностальгирующих по советской империи.

НАЦИЯ В РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Слово «нация» в русском языке имеет двойственное значение, что, с учетом близкого по значению слова «народ», требует внесения некоторой ясности. В этом тексте нация понимается в соответствии с определением Бенедикта Андерсона: «воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное»⁷. То есть нация – это сообщество в первую очередь политическое, а не этническое, не являющееся чем-то неизменным, так как государствам свойственно появляться и исчезать. Под «народом» мы понимаем именно этническую принадлежность. Соответственно, значения слов «нация» и «народ» почти не пересекаются, хотя иногда описываемые ими сущности вполне могут совпадать – например, в случае попыток создать нацию на основе этнического компонента (этнический национализм).

Однако дальнейший анализ критериев, определяющих нацию, сталкивается с некоторыми сложностями. Эрик Хобсбаум утверждает, что нельзя сводить нацию ни к одному из измерений (культурному, политическому и другим) и делает упор на субъективность данного феномена: все зависит от самоидентификации человека с конкретной нацией⁸. И все же тут можно нащупать некоторые исторические закономерности. Бенедикт Андерсон пишет, что нации как сообщества стали вообразимыми, когда произошло «взрывное взаимодействие между системой производства и производственных отноше-

⁷ Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: Кучково поле, 2016. С. 47.

⁸ Хобсбаум Э. *Нация и национализм после 1780 года*. СПб.: Алетейя, 1995.

ний (капитализмом), технологией коммуникаций (печатью) и фатальностью человеческой языковой разнородности»⁹, что способствовало появлению «печатных языков», объединяющих людей. Хобсбаум также выделяет важность культурного аспекта на начальном этапе формирования нации¹⁰ – то есть наличия определенного общего культурного поля, частью которого являются история и язык.

История в этой связи становится способом объяснить гражданам – с помощью мифологизации прошлого, – почему они являются частью одной нации. Как замечает Андрей Зорин, «центральный миф всякого государства – это вопрос, откуда оно взялось, его миф основания»¹¹. Однако «миф основания» является лишь составной частью объяснения единства нации. Более важно показать ее протяженность во времени, то, что нация не является чем-то новым, а существует на протяжении веков, если не тысячелетий. Эту особенность Хобсбаум заметил в контексте использования государствами истории для создания новых или переформатирования старых традиций¹². Илья Калинин высказывает схожие с Хобсбаумом соображения: «апелляция к исторической преемственности [...] есть лишь стремление сохранить недавно возникшее *status quo*, наделить нуворишей генеалогией»¹³.

С 1960-х в Советском Союзе ключевыми мифами были, с одной стороны, октябрьская революция (государствообразующий миф), а с другой стороны, победа в Великой Отечественной войне («миф основания советской нации»¹⁴). В современной России системообразующую роль по-прежнему играет миф о Победе, который дополняется мифом о «лихих 1990-х» («миф основания»). Однако национальный миф не состоит лишь из нескольких наиболее важных мифов: история в национальном мифотворчестве представляет собой цепь мифологизированных событий, которые как объединяют людей общим многовековым прошлым с помощью единой исторической памяти¹⁵, так и объясняют уникальность своей нации на фоне других.

9 АНДЕРСОН Б. Указ. соч. С. 98–99.

10 ХОБСБАУМ Э. Указ. соч. С. 23.

11 Коронный О. «Как создаются исторические мифы, полезные государству: объясняет Андрей Зорин» // Афиша. 2016. 16 сентября (<https://daily.afisha.ru/culture/2972-kak-sozdayutsya-istoricheskie-mify-poleznye-gosudarstvu-obyasnyayet-andrey-zorin/>).

12 HOBBSBAUM E., RANGER T. (Eds.). *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 1–14.

13 Калинин И.А. *О похищении культуры, единстве истории и расширении границ* // Неприкосновенный запас. 2015. № 1(99). С. 243–249.

14 Добренко Е.А. *Поздний сталинизм: эстетика политики*. М.: Новое литературное обозрение, 2020. Т. 1. С. 59.

15 Под исторической памятью понимается «целенаправленно сконструированный средствами исторической политики относительно устойчивый набор взаимосвязанных коллективных представлений о прошлом той или иной группы, кодифицированный и стандартизированный в общественных, культурных, политических дискурсах, стереотипах, мифах, символах, мнемонических и коммеморативных практиках» (Касьянов Г. Указ соч. С. 34).

Дополнить вышесказанное позволяет оптика, которую предлагает Энтони Смит. Он пишет, что в восточноевропейских государствах процесс нациестроительства начался позднее по сравнению с западноевропейскими странами, где «старые, непрерывные нации» сформировались по большей части «незапланированно», в то время как в Восточной Европе создание наций стало «результатом националистических целей и движений»¹⁶. Таким образом, «новые» нации имели в основе «этническую модель»¹⁷ национализма, что увеличивало важность идеологического компонента, в том числе «этноистории»¹⁸. Похожие тезисы можно найти в работе Мирослава Гроха, который выделяет два разных пути построения наций: у стран Западной Европы, с одной стороны, и Центральной и Восточной Европы, с другой. Если в первом случае появляется «гражданское общество параллельно с национальным государством», то во втором – «внешний правящий класс», доминирующий над этническими группами, что приводит к иному пути нациестроительства с упором на историю и традиции этноса, а также его этнолингвистические особенности¹⁹. А учитывая тот факт, что после распада СССР во всех бывших республиках, в том числе и в России, началось формирование новых наций, можно ожидать опоры именно на «этническую модель» национализма.

Таким образом, неотъемлемой частью процесса нациестроительства является история. Она должна стать основой для национального мифа, важную часть которого составляет «миф основания» государства. История призвана показать органическую взаимосвязь современной нации как феномена Нового времени с предыдущими эпохами, по сути, утверждая, что нация существовала *всегда*. Поэтому анализ исторической политики государства и ее влияния на формирование исторической памяти помогает выявить, как относительно новое государство формирует новую нацию. СССР (особенно с начала 1930-х), а после 1991 года и его наследница РФ, будучи восточноевропейскими государствами, были склонны использовать историю русского народа и его государственности в качестве основы строительства новой нации. Следовательно, учебники истории, являясь способом реализации исторической политики и важной частью политического дискурса, становятся крайне значимыми материалом для анализа процесса формирования новой нации.

16 SMITH A.D. *National Identity*. Harmondsworth: Penguin, 1991. P. 100.

17 Отличительной чертой «этнической модели» национализма является акцент на родовое сообщество и родную культуру (Ibid).

18 ИДЕМ. *National identity*; ИДЕМ. *When is a Nation* // *Geopolitics*. 2002. Vol. 7. № 2. P. 5–32.

19 ГРОХ М. *From National Movement to the Fully Formed Nation* // *New Left Review*. 1993. № 1(198).

СТАЛИНСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ РОССИЙСКИЙ РУССОЦЕНТРИЗМЫ

Прежде, чем переходить к сравнению сталинского и российского руссоцентризмов, необходимо чуть подробнее концептуализировать само понятие. Бранденбергер пишет, что руссоцентристский курс «представлял собой преобразование советской идеологии: молчаливое признание превосходства популистских идей над пропагандой, построенной вокруг принципов утопического идеализма марксизма-ленинизма»²⁰. В конце 1920-х, в момент построения нового государства, предыдущий интернациональный нарратив оказался неэффективным как инструмент сплочения населения. Исходя из этого сталинское руководство начало возврат к имперским нарративам, в том числе в рамках преподавания истории. При этом главной целью было не «продвижение интересов русских», а воспитание «популистского чувства советского самосознания через эффективную кооптацию руссоцентристской риторики»²¹. Наиболее ярким примером руссоцентристского курса служит присвоение русскому народу статуса «первого среди равных» наравне с политикой «дружбы народов», выделяя именно его среди других этносов Советского Союза. То есть руссоцентристский курс некорректно отождествлять с этническим национализмом, так как он используется для более эффективного объединения граждан в единую нацию, не ставя целью продвигать политические интересы русского этноса.

Подобный культурно-идеологический переход Владимир Паперный описывает в терминах «культура 1» и «культура 2». При Сталине произошел переход от «культуры 1» (начало–середина 1920-х), которая заключалась в отказе от прошлого, отсутствии иерархий, реализме и утилитаризме, к «культуре 2», которая была ориентирована на прошлое, иерархичной и художественной²². Определенным водоразделом, как пишет Илья Калинин, стало празднование 20-летия октябрьской революции, обозначившего завершение «героического, революционно-романтического периода советской власти» и переход к «сталинскому национальному консерватизму»²³. Сталинское правление начало насаждение новой культурно-идеологической парадигмы, опиравшейся, помимо марксизма-ленинизма, на возвращение к государственным нарративам.

20 БРАНДЕНБЕРГЕР Д.Л. *Указ. соч.* С. 9.

21 Там же. С. 12.

22 ПАПЕРНЫЙ В. *Культура два*. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

23 КАЛИНИН И.А. *Государственный праздник: обряды единства и ритуалы различий* // Неприкосновенный запас. 2015. № 2(100). С. 5–8.

В этой связи базовое преподавание истории в контексте начального и среднего образования стало важной частью конструирования модели нового советского патриотизма, реанимировав многие фигуры и образы, активно использовавшиеся в том числе и в Российской империи. Начало нового курса было положено постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 года «О преподавании гражданской истории в школах СССР», которое предписывало создать новые школьные учебники, возрождая вместе с тем исторические факультеты в Московском и Ленинградском государственных университетах²⁴. Изначально предложенная на роль учебника монография Михаила Покровского «Русская история в самом сжатом очерке» была отвергнута в силу «нигилизма автора по отношению к прошлому России»²⁵, поэтому была запущена активная работа над новым учебником для младших классов. В итоге был принят учебник под редакцией Александра Шестакова, опубликованный в 1937 году, который «зафиксировал новый формат советской историографии: сочетание формационного [прим. подход Покровского] и классового подхода с национально-государственным и патриотическим пафосом»²⁶. Национально-государственная история в данном контексте – это история создания и расширения русского государства (от Руси до Российской империи).

При этом историческая политика государства не заканчивалась на учебниках истории. Важной частью была и репрезентация истории в массовой культуре, особенно в контексте «исторического поворота» в советском кинематографе 1930-х²⁷. Этот поворот особенно заметен на контрасте между фильмами «Чапаев» (1934) и «Петр Первый» (1937), который стал «центральным элементом проводимой в то время кампании вокруг публикации “Краткого курса истории СССР” Шестакова»²⁸. Другие показательные примеры исторических фильмов довоенного периода – это «Александр Невский» (1938) и «Минин и Пожарский» (1939), направленные на патриотическую мобилизацию против потенциальных противников СССР – Германии и Польши соответственно.

Отдельно стоит заметить важность и академической историографии, игравшей не последнюю роль в продвижении истори-

24 Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б). О преподавании гражданской истории в школах СССР. 15 мая 1934 г. (<https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/353204-postanovlenie-soveta-narodnyh-komissarov-soyuza-ssr-i-tsentralnogo-komiteta-vkp-b-o-prepodavanii-grazhdanskoy-istorii-v-shkolah-sssr-15-maya-1934-g>).

25 Тихонов В. *Полезное прошлое: история в сталинском СССР*. М.: Новое литературное обозрение, 2024. С. 103.

26 Там же. С. 125.

27 Там же. С. 74.

28 БРАНДЕНБЕРГЕР Д.Л. *Указ. соч.* С. 97.

ческой политики. Это, к примеру, демонстрируют Сталинские премии, которые стали одним из способов поддержки нового государственного взгляда на историю. Более подробно об этом пишет Виталий Тихонов, замечая, что чаще премировались работы, написанные с национально-патриотических, а не интернационалистических позиций²⁹. Подобный отход от интернационалистических нарративов приводил не только к более редкому премированию работ, описывающих с положительной стороны лидеров восстаний с участием других народов России (Степан Разин, Емельян Пугачев и Салават Юлаев), но и к уменьшению количества исторических работ о «нерусских народах» в целом. Показательным здесь является вышедший в 1943 году труд «История Казахской ССР», в создании которого участвовали 33 ученых. Написанная в контексте пропагандистской мобилизации народов СССР, необходимой в начале войны, монография не была номинирована на Сталинскую премию, обозначив в целом потерю «интереса к нерусской истории» у партийного руководства³⁰. Отсутствие интереса у партийного руководства, очевидно, считывалось историками, которые соответственно корректировали свою тематику и поле научных интересов.

С начала 1930-х происходит идеологический переход в сторону национально-государственных и патриотических нарративов, призванных обеспечить построение советской нации. Важной его частью стало создание нового исторического нарратива, что, в частности, отразилось на содержании учебников истории той эпохи.

ПОСТСОВЕТСКИЙ РОССИЙСКИЙ РУССОЦЕНТРИЗМ: ПОВТОРЕНИЕ СТАЛИНСКОГО ПУТИ?

Нынешний российский руссоцентризм так же, как и сталинский, ознаменовался сменой идеологической парадигмы. Ельцинская администрация строила «новую Россию» как «либеральную и демократическую», с апелляцией к «гражданской нации»³¹, создавая, таким образом, новую российскую нацию. Однако нациестроительство происходило на фоне максимально травматичных событий: тяжелое социально-экономическое положение 1990-х, чувство национального унижения после распада СССР, война в Чечне. Это в свою очередь вызывало активные «проявления авторитарной личности, государственнические и националистические версии исторической памяти,

29 Тихонов В. Указ. соч. С. 193–261.

30 БРАНДЕНБЕРГЕР Д.Л. Указ. соч. С. 148–155.

31 РЕПИНА Л.П. и др. *Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности*. М.: Akvilon, 2020. С. 96.

интерпретируемые как патриотические»³², а также такие этно-националистические и просто ксенофобские «требования-лозунги», как «Россия для русских», «Москва для москвичей»³³.

В то же время власти во второй половине 1990-х стали значительно реже «использовать историю в политических целях»³⁴; она (в особенности применительно к советскому прошлому) была отдана на откуп профессиональным историкам, став тем значимым Другим, от которого тогдашняя власть отталкивалась для легитимации себя³⁵. В учебниках в тот момент происходила «национализация истории», приводившая к «выпадению информации» о частях бывшего СССР, ставших новыми независимыми государствами, однако этот процесс не привел к «радикальному пересмотру пантеона выдающихся деятелей»³⁶. В этом контексте приход Владимира Путина к власти выглядел как возвращение к ориентации на «имперский инстинкт»³⁷, ознаменовав грядущие изменения в политике нациестроительства.

При Путине «горизонтальная ельцинская система» была заменена на «вертикаль»³⁸, что отчасти соотносится с концепцией Паперного о переходе в 1930-е от «культуры 1» к «культуре 2». Сам переход был достаточно постепенным: на протяжении первых двух сроков Путина можно было наблюдать сочетание старых либерально-демократических нарративов наравне с усиливающимися образами, отсылающими к «древним традициям» и «славному прошлому», особенно заметным на фоне усиливающихся сложностей в отношениях с Западом. В этой связи безусловной вехой стало послание Федеральному собранию 2005 года, в котором распад Советского Союза был назван «крупнейшей геополитической катастрофой века»³⁹.

Соответствующие изменения начали происходить в исторической политике. В 2006 году появился новый учебник истории под редакцией Александра Филиппова и Александра Данилова, концепция которого «поразительно похожа на советский послесталинский нарратив за вычетом коммунистической ри-

ГЕОРГИЙ МАМВРИЙСКИЙ
УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ,
СТАЛИНСКИЙ И ПОСТСОВЕТ-
СКИЙ «РУССОЦЕНТРИЗМ»...

32 Там же. С. 101.

33 ПЕРЕГУДОВ С.П. *Политическая идентичность и проблемы консолидации российского государства* // *Политическая идентичность и политика идентичности*. М.: РОССПЭН, 2012. Т. 2. С. 303.

34 МИЛЛЕР А. *Историческая политика в России: новый поворот?* // *Историческая политика в XXI веке*. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 329.

35 См. об этом: МАЛИНОВА О.Ю. *Использование прошлого в российской официальной символической политике (на примере анализа ежегодных президентских посланий)* // *Историческая политика в XXI веке*. С. 368–395.

36 МИЛЛЕР А. *Указ. соч.* С. 330.

37 ХАКИМОВ Р. *Имперский инстинкт* // Независимая газета. 2001. 2 марта (www.ng.ru/regions/2001-03-02/4_Instinct.html).

38 ПЕРЕГУДОВ С.П. *Указ. соч.* С. 293.

39 *Послание Федеральному Собранию Российской Федерации* (<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931>).

торики»⁴⁰. При этом такой поворот следует воспринимать не столько как возрождение Советского Союза в идеологическом или политическом смысле, сколько как «включение советского в российскую современность»⁴¹. Такой шаг позволяет создать непрерывность истории, которой не было в ельцинской России, провозглашая тысячелетнее единство российской истории от Юрика до Путина. Как мы отметили выше, «позитивизация»⁴² истории СССР в первый срок Путина во многом была направлена на граждан, ностальгирующих по СССР, что способствовало их интеграции в новую нацию.

В целом такое конструирование идентичности можно назвать относительно успешным: уже к концу первого срока Путина российская самоидентификация обогнала как советскую, так и региональную⁴³, а к 2019 году доля ощущавших себя гражданами России составила 91%, согласно исследованию ВЦИОМ⁴⁴.

Власти во второй половине 1990-х стали значительно реже использовать историю в политических целях; она была отдана на откуп профессиональным историкам, став тем значимым Другим, от которого тогдашняя власть отталкивалась для легитимации себя.

Однако между 2004-м и 2019 годами произошел ряд важных событий: до возвращения Владимира Путина в 2012-м, которое совпало с усиливающейся конфронтацией с «коллективным Западом», прошли четыре года противоречивого в контексте исторической политики президентства Дмитрия Медведева. С одной стороны, наблюдалось усиление либерально-демократических нарративов, апогеем которых стало высказывание президента «свобода лучше несвободы»⁴⁵. В сфере исторической политики проявлением этого стало признание Катынского расстрела в качестве преступления НКВД⁴⁶ и передача доку-

⁴⁰ Миллер А. Указ. соч. С. 336.

⁴¹ Калинин И.А. *Ностальгическая модернизация: советское прошлое как исторический горизонт* // Неприкосновенный запас. 2010. № 6(74). С. 6–16.

⁴² Ирина и Святослав Каспэ отмечали «жажду позитивности», которая не позволяет строить нацию лишь на травматических событиях: Каспэ И., Каспэ С. *Поле битвы-страна. Nation-building и наши нэйшнбилдеры* // Неприкосновенный запас. 2006. № 6(50). С. 50.

⁴³ Холодковский К.Г. *Проблемы и противоречия российской идентичности* // Политическая идентичность и политика идентичности. 2012. № 2. С. 243.

⁴⁴ Дробижева Л.М. *Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян* // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4(158). С. 480–498.

⁴⁵ Дмитрий Медведев: *Самым важным считаю достижение гармонии между свободой и правопорядком* // Российская газета. 2008. 21 февраля (<https://rg.ru/2008/02/21/svoboda.html>).

⁴⁶ См.: <http://duma.gov.ru/news/5093/>.

ментов по катынскому делу польской стороне. Также можно говорить об ослабевшей поддержке учебника Филиппова–Данилова: первый из соавторов не смог избраться президентом исторического отделения АН, несмотря на активное вмешательство Владислава Суркова⁴⁷ – на тот момент первого заместителя руководителя Администрации президента РФ. Однако, с другой стороны, превалировала все-таки национально-патриотическая линия предыдущего периода: именно при Медведеве была создана Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, одной из основных задач которой стала «выработка рекомендаций по адекватному реагированию на попытки фальсификации исторических фактов и событий и по нейтрализации их возможных негативных последствий»⁴⁸.

В целом же президент Дмитрий Медведев использовал историю в своей риторике для подчеркивания, с одной стороны, преемственности, а с другой, «точек разрыва» как легитимации модернизации⁴⁹. «Концептуальная специфика» медведевской модернизации выстраивала образ победоносного прошлого как ориентир для будущего, «требующем от нас быть его [прошлого] достойными»⁵⁰. Иными словами, в период медведевского президентства историческая политика переживала некоторую либерализацию по сравнению с первыми сроками Владимира Путина, хотя коренных изменений не случилось и линия по «нормализации сталинизма» осталась доминирующей⁵¹.

С возвращением Владимира Путина в 2012-м произошло лишь усиление консервативно-патриотического вектора в исторической политике. Частью этого курса стала запущенная по инициативе президента в 2013 году унификация учебников истории, которые должны быть построены «в рамках логики непрерывной российской истории» и обойтись без «двойных толкований»⁵². Это событие ознаменовало возвращение к советским практикам исторической политики, хотя и степень монополизации исторического пространства в России все еще оставалась значительно меньше, чем в СССР. Апогеем новостарой исторической политики стал единый учебник истории для 10–11 классов под авторством Владимира Мединского, выпущенный в 2023 году и включающий в себя раздел, посвящен-

ГЕОРГИЙ МАМВРИЙСКИЙ
УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ,
СТАЛИНСКИЙ И ПОСТСОВЕТ-
СКИЙ «РУССОЦЕНТРИЗМ»...

47 Миллер А. Указ. соч.

48 Указ Президента РФ от 15.05.2009 г. № 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России (www.kremlin.ru/acts/bank/29288)».

49 Малинова О.Ю. Указ. соч.

50 Калинин И.А. Ностальгическая модернизация... С. 8.

51 Миллер А. Указ. соч.

52 Президент: Учебники истории должны иметь единую концепцию // Российская газета. 2013. 25 апреля (<https://rg.ru/2013/04/25/uchebnik-anons.html>).

ный современным событиям, где «авторы... часто прибегают не к изложению материала, а к призывам и прямым обращениям к читателю»⁵³.

Активное участие государства в процессе нациестроительства подтверждается и самоидентификацией россиян. Согласно опросу ВЦИОМ, 56% респондентов называют именно государство как основание для идентификации себя с согражданами, а среди нерусских этносов эта доля составляет 62%⁵⁴, что может быть связано с тем, что им сложнее ассоциировать себя с русскими нарративами в истории и культуре.

Если в СССР полный отход от коммунистической доктрины был невозможен, что приводило к удивительной конвергенции русских национальных и марксистско-ленинских нарративов, то в России русская культура стала национальной идеей.

Ярким маркером руссоцентричности политики государства является эволюция соотношения терминов «русский» и «российский», упоминавшееся в начале статьи. Если предположить, что политика нациестроительства Владимира Путина не является руссоцентричной, и, как выражается Валерий Тишков, идет формирование «многонародной нации»⁵⁵, можно ожидать, что термин «российский» связан с государством, объединяя разные этносы, а «русский» – с конкретным этносом. Однако, согласно статье с официального сайта, посвященного «Году литературы» (2022), термин «русский» трактуется шире, чем термин «российский»: «Русским мы называем все – и то, что относится к государству, и то, что относится к народу»⁵⁶. Соотношение терминов «русский» и «российский» подчеркивает ключевое отличие сталинского руссоцентризма от постсоветского российского. Если в СССР полный отход от коммунистической доктрины был невозможен, что приводило к удивительной конвергенции русских национальных и марксистско-ленинских нарративов, то в России, как выразился Илья Калинин, русская культура стала национальной идеей⁵⁷.

Все эти изменения повлекли за собой соответствующие трансформации исторической политики в целом – и учебников

53 В Москве показали новые учебники по истории с операцией на Украине // РБК. 2023. 7 августа (www.rbc.ru/politics/07/08/2023/64d1016a9a794763ffc7ab63).

54 Дробижева Л.М. Указ. соч.

55 Тишков В. *Российский народ и национальная идентичность* // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 4. С. 135–142.

56 Ольховская А. Указ. соч.

57 Калинин И.А. *Праздник идентичности* // Неприкосновенный запас. 2015. № 3(101). С. 250–261.

истории в частности, – которые активно начались после возвращения Владимира Путина на президентский пост в 2012 году.

ГЕОРГИЙ МАМВРИЙСКИЙ
УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ,
СТАЛИНСКИЙ И ПОСТСОВЕТ-
СКИЙ «РУССОЦЕНТРИЗМ»...

УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ КАК ЧАСТЬ ПОЛИТИКИ РУССОЦЕНТРИЗМА

Выше был дан краткий обзор проблемы места и роли учебников истории для формирования нации – и взаимосвязи изменений политики нациестроительства с исторической политикой в СССР и РФ, отраженной в нарративах учебников истории. Далее мы проанализируем репрезентацию ряда периодов и событий в учебниках истории России под редакцией Владимира Мединского, сравнив их с аналогичными разделами в учебнике под редакцией Александра Шестакова для 3–4 классов (1937) и учебнике новой истории для 9 класса под редакцией Владимира Хвостова (1947).

Однако прежде, чем перейти к анализу и сравнению российских и советских учебников, необходимо сделать некоторые замечания. Ниже речь пойдет об учебнике истории России под редакцией Владимира Мединского (с 6-го по 11 класс), несмотря на то, что единый учебник истории на данный момент существует только для 10–11 классов. Сделано это для того, чтобы сохранить целостность при переходе от одного учебника к другому. С советскими учебниками ситуация немного другая: к 1950-м не было создано отдельных пособий для каждого класса, а до 1946-го не было отдельного учебника для старших классов по Новой истории, поэтому учебник под редакцией Александра Шестакова долго время использовался не только в 3–4 классах.

Нынешние учебники содержат в себе концептуальные свойства, подтверждающие тезис об использовании их государством в качестве средства исторической политики – и прежде всего указывающие на их руссоцентричность. Учебники в частности – и весь курс школьной истории в целом – описывают «государство русских», от Древней Руси вплоть до современности, практически не уделяя какого-либо внимания государствам других народов, которые располагались на территории Российской Федерации, подчеркивая, как, например, в учебнике за 6 класс, важность «истории страны» наравне с «прошлым наших предков»⁵⁸. В свою очередь сталинский учебник Шестакова начинается со слов: «СССР – страна социализма»⁵⁹, выделяя достижения прежде всего Советского Союза.

58 Черникова Т.В., Чиликин К.П. *История России с древнейших времен до начала XVI века. 6 класс: учебник* / Под общ. ред. В.Р. Мединского. М.: Просвещение, 2021. С. 3.

59 *Краткий курс истории СССР: учебник для 3 и 4 классов* / Ред. А.В. Шестаков. Киев, 1937. С. 23.

Еще одним подтверждением использования учебников как непосредственного средства исторической политики государства является включение в повествование современных событий. Это делается для того, чтобы еще четче показать историческую преемственность, с одной стороны, а с другой, дать политическую оценку современным событиям, которая так же должна вытекать из исторического нарратива учебника. И если, например, учебник Шестакова заканчивается на убийстве Кирова (1934), хотя выпущен он был в 1937-м, то российский учебник за 11 класс заканчивается разделом, который посвящен событиям 24 февраля 2022 года и начавшемуся противостоянию с «коллективным Западом».

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ – СПАСИТЕЛЬ ОТ АГРЕССИИ ЗАПАДА

Фигура Александра Невского олицетворяет смену исторической политики при Сталине и переход к руссоцентризму. В СССР, где господствовала идеология марксизма-ленинизма, одним из главных героев исторического пантеона стал князь, который изначально позиционировался как «пособник новгородского торгового капитала» и эксплуататор «простого народа», с одной стороны, и символ великорусского шовинизма – с другой⁶⁰. При Сталине Александр Невский становится военным героем, отразившим «натиск с Запада», образ которого прекрасно подходил в контексте борьбы с капиталистами и империалистами Запада, в особенности – с нацистской Германией. Причем то, что выбор пал на Александра Невского, было не случайным; это можно проследить на примере подготовки учебника Шестакова. Секретарь ЦК ВКП(б) Андрей Жданов лично указывал на необходимость внесения дополнительной информации о Тевтонском ордене в проект учебника, а правительственная комиссия специально подчеркивала важность «правильной исторической оценки битвы на Чудском озере», которая остановила «движение на восток германских оккупантов»⁶¹.

Ключевую роль в создании исторического мифа вокруг Александра Невского сыграл одноименный фильм Сергея Эйзенштейна (1938), содержащий прямые отсылки к нацистам, представленных в картине в образе немецких рыцарей, которым противостоит русский князь. Впрочем, некоторые исследователи – в частности, Брандербергер – считают, что советский зритель не совсем правильно понял замысел Эйзенштейна:

60 Шенк Ф.Б. *Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000)*. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 236.

61 Там же. С. 293.

режиссер снимал фильм, прославляющий государство, а зрители увидели в нем прославление героизма русского народа⁶². За это же критиковали фильм и старые партийцы, видевшие в новом идеологическом повороте «отход от... интернационализма и классовой борьбы и поворот к русскоцентричному национализму старого образца»⁶³.

В современных учебниках истории Александр Невский столь же важен. Это становится очевидным хотя бы из подсчета дат, связанных с князем, в хронологической таблице в конце пособия. В учебнике «Истории России» для 6 класса (2021) присутствуют и Невская битва, и Ледовое побоище⁶⁴, в то время как в сталинском аналоге было только последнее событие⁶⁵. Акцент в советском учебнике именно на Ледовом побоище связан с международной ситуацией того периода: главной угрозой виделась нацистская Германия, поэтому представление немцев-рыцарей как разорителей городов, обращающих русских людей в рабство и насилюющих женщин⁶⁶, имело важное идеологическое значение. Шведы на такую роль тогда претендовать не могли.

Неразрывная связь трансформации исторического образа Александра Невского с антигерманской пропагандой в довоенный период особенно заметна после заключения пакта Молотова–Риббентропа (1939). Как пишет Бенъямин Шенк, до 22 июня 1941 года «Александр Невский исчез из исторического дискурса советского патриотизма»⁶⁷. Шенк также замечает, что в этот период изменилась и репрезентация Ледового побоища в учебниках истории. Вместо резкого описания в учебнике Шестакова, в учебнике для 8 класса под редакцией Анны Панкратовой (1940) событие описано «очень экономным стилем и с умеренными интонациями»⁶⁸.

В нынешнем российском учебнике для 6 класса акценты расставлены иначе. Целый параграф посвящен «отражению агрессии с Запада», описывающему противостояние русских князей европейцам в начале–середине XIII века. Интересно, что параграф, посвященный монгольскому нашествию, называется «Натиск на русские земли с Востока». Выбор относительно нейтрального «натиска» вместо негативно окрашенной «агрессии» в описании завоевания Руси с востока представляется не случайным: сегодня главный «враг» находится на За-

ГЕОРГИЙ МАМВРИЙСКИЙ
УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ,
СТАЛИНСКИЙ И ПОСТСОВЕТ-
СКИЙ «РУССОЦЕНТРИЗМ»...

62 BRANDENBERGER D. *The Popular Reception of S.M. Eisenstein's Aleksandr Nevskii // Epic Revisionism: Russian History and Literature as Stalinist Propaganda*. Madison: University of Wisconsin Press, 2006. P. 246.

63 ШЕНК Ф.Б. *Указ. соч.* С. 360.

64 ЧЕРНИКОВА Т.В., ЧИЛИКИН К.П. *Указ. соч.* С. 273.

65 *Краткий курс истории СССР...* С. 218.

66 Там же. С. 23.

67 ШЕНК Ф.Б. *Указ. соч.* С. 395.

68 Там же. С. 396.

паде, а восточных союзников Российской Федерации лучше не выставлять совсем уж во враждебном свете. Невская битва и Ледовое побоище описаны очень подробно, в основном основываясь на «Житии Александра Невского». И хотя указывается позиция некоторых историков, утверждающих, что Невская битва не была «масштабной», авторы учебника подчеркивают, что «значение ее оказалось не в масштабах», а в победе над «внешним врагом» и «защите от иноверцев»⁶⁹. В целом же из Невской битвы и Ледового побоища выстраивается нарратив, описывающий неудачные попытки захватить русские земли пришлыми иноземцами-европейцами, которых остановили русские воины.

Таким образом, фигура Александра Невского как одного из ключевых героев исторического пантеона, культивировавшегося в СССР, не потеряла своего значения и в современной России. Оставшись важной частью национального мифа, репрезентация древнерусского князя в учебниках истории изменилась: если в период сталинского руссоцентризма Александр Невский был в первую очередь символом борьбы с немецким «натиском на Восток», то сейчас он стал символом противостояния Западу как таковому и защиты «своих», русских, ценностей от иноверцев. Ключевая роль Александра Невского в историческом пантеоне, с одной стороны, подтверждает руссоцентричную логику в исторической политике и стратегии нациестроительства, а с другой, показывает различные идеологические роли, которые играла фигура князя в зависимости от политической конъюнктуры последних ста лет.

ВОЙНЫ И РАСШИРЕНИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Для объединения разных этносов в единую нацию историческая политика должна показать преимущества включения других народов в русское государство и прогрессивную роль, которую оно сыграло в их судьбе. Отражение войн в учебниках истории также служит способом патриотической мобилизации, что особенно важно в контексте противостояния внешнему врагу: общей чертой как сталинской, так и современной российской исторической политики является своего рода метанарратив предательства России странами Запада и ее использования в их корыстных целях.

Учебники Александра Шестакова и Владимира Хвостова наглядно демонстрируют эволюцию советских исторических нарративов в репрезентации войн от интернационалистических

69 Черникова Т.В., Чиликин К.П. Указ. соч. С. 168–169.

к государственноцентричным. Изначально советская историография рассматривала войны через марксистско-ленинскую парадигму борьбы капиталов и их политических представителей (политических партий и государств), где обычный человек – в сюжетах о российской истории – становился жертвой государства и прежде всего царизма. Например, война с Турцией (1877–1878) описывается так: «сотни тысяч плохо вооруженных солдат погибли зря»⁷⁰; а про Первую мировую сказано следующее: «царские генералы, послушные приказам царя Николая II и Антанты, гнали солдат в новые и новые наступления»⁷¹. Это усиливается важнейшим обстоятельством: война была «империалистической». Однако после Великой Отечественной войны акценты смещаются в сторону оправдания государства и перекладывания вины на царизм как политическую систему. При описании той же русско-турецкой войны теперь указывается на «храбрость русских солдат и офицеров» – при противопоставлении их профнепригодному командованию⁷². Происходит пересмотр и Первой мировой: Россия играет ключевую роль в войне с Германией и ее союзниками, находясь под постоянным давлением союзников, которые требуют наступать, чтобы устоял Западный фронт⁷³.

Нынешние российские учебники истории не обременены марксистско-ленинским учением, что только увеличивает государственноцентричность исторических нарративов. Русско-турецкая война так же изображается как героическая – русские солдаты спасали «страдающих балканских славян» – и вынужденная: Александр II пытался сначала надавить на Турцию дипломатически для облегчения участи христиан⁷⁴. Дипломатического измерения не было ни в одной из советских трактовок, что может быть связано как с идеологическим изобличением царизма, так и с новым российским нарративом о «вынужденной войне».

Рассказ о Первой мировой является апогеем государственных нарративов: в сравнении с советскими учебниками этому событию уделяется гораздо больше внимания и прямо говорится, что Россия вступила в войну для «защиты своих национальных интересов»⁷⁵. Более того, фактически идет повторение нарративов советского учебника Новой истории 1947 года:

70 Краткий курс истории СССР... С. 102.

71 Там же. С. 145.

72 Хвостов В.М., Зубок Л.И., Галкин И.С., Нотович Ф.О. *Новая история: 1870–1918. Учебник для 9-го класса средней школы*. М.: Учпедгиз, 1947. С. 111–112.

73 Там же. С. 145–147.

74 Черникова Т.В., Пазин Р.В. *История России. XVI – конец XVII века. 7 класс: учебник* / Под общ. ред. В.Р. Мединского. М.: Просвещение, 2021. С. 192–194.

75 Мединский В.Р., Торкунов А.В. *История России. 1914–1945 годы. 10 класс, базовый уровень: учебник*. М.: Просвещение, 2023. С. 25.

ГЕОРГИЙ МАМВРИЙСКИЙ
УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ,
СТАЛИНСКИЙ И ПОСТСОВЕТ-
СКИЙ «РУССОЦЕНТРИЗМ»...

в нем Россия так же играет ключевую роль в войне, в то время как союзники «не спешили помогать»⁷⁶. Отличительной чертой является то, что сегодня царизм напрямую не винят в произошедших неудачах: называются их причины – недостаток снабжения, – но отсутствует указание на их генезис. Придание Первой мировой войне большей значимости, чем это было в Советском Союзе, стало способом с помощью новой исторической политики создать мост между царским и советским прошлыми. С продвижением государственно-патриотических нарративов Первая мировая стала точкой слома предыдущего государства, открыв дорогу новому, которым и стал СССР, призванный продолжить «славное прошлое». Таким образом, Первая мировая стала важной точкой соединения двух российских прошлых, репрезентации которых так или иначе связаны с государством.

Похожие перемены происходят и в нарративе о покорении нерусских народов. Если в учебнике Шестакова подчеркивается угнетение народов Западной Сибири⁷⁷ и борьба народов Центральной Азии против завоеваний Российской империи⁷⁸, то в учебном пособии по Новой истории подача уже сглаживается, а присоединение Центральной Азии рассматривается как ответ на «наступательную политику Англии»⁷⁹. И хотя марксистско-ленинский идеологический подход не пропал из учебников истории (и пропаганды в целом), однако очень часто упор делался на патриотические резоны. В рассказе о присоединении нерусских народов в современных учебниках истории Россия обычно изображается как их защитница. Завоевание Сибирского ханства объясняется тем, что «другие народы притеснялись» сибирскими татарами и «готовы были перейти в подданство России»⁸⁰. Подчеркивается прогрессивная роль имперской власти – как, например, в случае завоевания Средней Азии, после которого там «были запрещены работорговля и рабовладение», «началось строительство железных дорог» и «открывались современные школы, больницы, библиотеки»⁸¹. О территориальной экспансии в этом регионе при Александре III и вовсе говорится кратко и описательно.

В целом можно сказать, что позднесталинское и современное описание войн достаточно схоже. В обоих случаях прослеживаются патриотические нарративы о «героических русских солдатах», защищающих родину. При этом в российском учеб-

76 Там же.

77 *Краткий курс истории СССР...* С. 55–56.

78 Там же. С. 147.

79 Хвостов В.М., Зубок Л.И., Галкин И.С., Нотович Ф.О. *Указ. соч.* С. 111.

80 Черникова Т.В., Чиликин К.П. *Указ. соч.* С. 81.

81 Вишняков Я.В., Могилевский Н.А., Агафонов С.В. *История России. XX – начало XX века. 9 класс: учебник* / Под общ. ред. В.Р. Мединского. М.: Просвещение, 2021. С. 189.

нике намного больше внимания уделяется Первой мировой как мосту между царским и советским прошлыми, хотя, бесспорно, Великая Отечественная война остается важнейшим событием. С завоеванием нерусских народов ситуация отличается: в рассматриваемых выше советских учебниках не делается упор на «прогрессивную роль» российского государства, хотя в позднесталинский период работ с «патриотическим историческим дискурсом» стало больше⁸². Можно вспомнить и уменьшение внимания к истории нерусских этносов в СССР в целом, о чем упоминалось выше в связи с «Историей Казахской ССР». В учебнике Шестакова представлено изначальное конвенциональное негативное марксистско-ленинское отношение к подобным завоеваниям, в то время как учебник Хвостова его серьезно сглаживает. Нынешние же российские учебники, наоборот, подчеркивают роль России как защитницы и двигателя прогресса для нерусских народов.

ГЕОРГИЙ МАМВРИЙСКИЙ
УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ,
СТАЛИНСКИЙ И ПОСТСОВЕТ-
СКИЙ «РУССОЦЕНТРИЗМ»...

С продвижением государственно-патриотических нарративов Первая мировая стала точкой слома предыдущего государства, открыв дорогу новому, которым и стал СССР, призванный продолжить «славное прошлое». Первая мировая стала точкой соединения двух российских прошлых, репрезентации которых так или иначе связаны с государством.

* * *

Краткий очерк содержания современных российских учебников под редакцией Владимира Мединского дает возможность зафиксировать серьезные сходства с нарративами учебников сталинского периода. Это позволяет охарактеризовать современную историческую политику и стратегию нациестроительства в целом как «российский руссоцентризм» по аналогии с термином Бранденбергера «сталинский руссоцентризм». Выбор схожей политики в разные периоды можно объяснить схожим контекстом, с которым в процессе формирования нации столкнулись лидеры недавно созданных государств. В случае России немаловажным фактором стало и то, что этот метод уже продемонстрировал свою эффективность при Сталине.

82 Тихонов В. Указ. соч. С. 207.

Говорить о полной идентичности двух руссоцентризмов нельзя: сталинский все еще сильно зависел от марксистско-ленинской идеологии, что вынуждало аккуратно встраивать русские национальные нарративы в советский дискурс. В свою очередь отсутствие догматичной и структурированной идеологии в современной России создало ситуацию, когда широко (почти безбрежно) понимаемая русская культура стала национальной идеей новообразовавшегося государства, усилив роль руссоцентричных нарративов в исторической политике. Это отличие заметно и при непосредственном сравнении советских и современных российских учебников истории. При этом, несмотря на активное использование марксистско-ленинских трактовок в советских учебниках истории, наравне с российскими аналогами там можно проследить фиксацию на национальной истории русского государства, на русских национальных героях как ключевых исторических фигурах, таких как Александр Невский, и на подвигах русских солдат. В то же время современные учебники истории уделяют особое внимание прогрессивной и покровительственной роли российского *государства* при расширении и включении в свой состав нерусских народов.

В данной статье по объективной причине было рассмотрено ограниченное количество периодов и событий. Поэтому представляется целесообразным продолжить разговор о школьных учебниках истории в их связи со становлением советской и постсоветской российской государственности.